

Политика царского правительства по отношению к этническим регионам России (XVI–XIX вв.)

Борис Н. Земцов^{a, @}

^a Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, стр. 1

[@] zemtsovbn@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2019. Принята к печати 04.09.2019.

Аннотация: Статья посвящена определению сущности политики царского правительства России по отношению к этническим регионам. Существующие в современной историографии разные точки зрения в отношении этих регионов вызваны, прежде всего, признанием прогрессивных, в основном однонациональных, государств и концентрацией внимания на этнических регионах без учета общеисторической ситуации, в которой находилась страна в каждый конкретный исторический период. Методологической основой является положение о наличии потенциала развития не только однонациональных, но и полиэтнических стран. Показано, что начиная с XVI в. власть вполне осознавала этнические различия между русскими и населением новых территорий, но это не стало основанием для восприятия этнической принадлежности в качестве основного социального маркера. Выбранные властью социальные критерии – вероисповедание, сословность, место проживания – являлись надэтническими. Мы полагаем, что гетерогенная политика царской России в отношении этнических окраин, при всех издержках, обеспечивала жизнеспособность государства и способствовала постепенному интегрированию различных этносов в единое общество.

Ключевые слова: национальная политика, инородцы, русификация, полиэтническое государство, многонациональное государство

Для цитирования: Земцов Б. Н. Политика царского правительства по отношению к этническим регионам России (XVI–XIX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 595–605. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-595-605>

Введение

В настоящее время большинство стран мира являются полиэтническими, поэтому проблемы межэтнического взаимодействия в рамках одной страны, поиск адекватной модели национальной политики являются актуальными. Поскольку Россия является полиэтнической страной, это относится к ней в полной мере.

Историография данной проблематики одна из наиболее обширных. Историки продолжают уточнять нюансы проблемы, вводить в научный оборот новый архивный материал. Интерес вызывают публикации зарубежных коллег, предлагающих как свой взгляд на национальные процессы России, так и сравнительный анализ этих процессов в других странах и регионах мира. Но пока нет единства взглядов в теоретическом аспекте и по всему комплексу конкретно-исторических национальных проблем. Основная причина, по всей видимости, заключается в исчерпанности привычного подхода к национальной проблематике. Его суть состоит в том, что прогрессивными в основном признаются однонациональные государства. Такой подход

является абсолютизацией исторического опыта стран Западной Европы, где в последние 200 лет доминировали именно такие государства.

Эта методологическая установка в работах историков из национальных регионов России трансформируется, например, в утверждение, что башкирские восстания XVII–XVIII вв. были направлены именно против «гнета» царской России, а русские отряды, посланные на их подавление, были «карательными» [1, с. 9], что «угнетенное население Урала и Среднего Поволжья» подвергалось нещадной «эксплуатации», что русские «захватывали башкирские земли» [2, с. 1048]. Правда, подобные обобщения возникают не только из гипотетического предположения, что дальнейшее историческое развитие могло быть прогрессивным лишь при условии создания однонациональных государств. Не меньшую роль играет выбор предмета научного исследования: этнические окраины без учета тех же тенденций в великорусских регионах. Кроме того, есть объективная реальность (в рамках которой существует государство), предопределяющая направленность

действий. В национальных «историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится» [3, с. 167].

Региональная тематика вполне может быть объектом и предметом изучения, но вероятность спорных обобщений в этом случае многократно возрастает. Среди большого числа публикаций существенной методологической новизной обладают статьи американского историка А. Степана [4] и отечественного историка А. И. Миллера [5] о государстве-нации. Суть этих статей состоит в утверждении, что помимо национальных государств – нации-государства – существуют государства-нации, состоящие из двух и более национальных сообществ, которым в рамках этой второй модели вполне комфортно. Самодержавная Россия как раз и была таким государством-нацией, т. е. патерналистским, надэтническим государством.

Этой же проблеме, но с другой терминологией, посвятил свою статью В. Э. Багдасарян [6]. Он исходит из того, что нации-государства – исторический плод развития одного региона – Западной Европы. Полиэтнические же государства, по терминологии В. Э. Багдасаряна, государства-цивилизации, развивались по-другому. Причем в истории человечества доминировали государства именно этого типа. Дореволюционная Россия была государством-цивилизацией: «В Российской империи можно было быть татаринцом, грузинцом или калмыком этнически, но цивилизационно идентифицироваться в качестве русского» [6, с. 48].

Однако данная проблема столь сложна, что только новой методологии для ее решения недостаточно. Не менее важная составляющая – используемая терминология. Хотя термины *нация*, *народ* относятся к числу ключевых, единство взглядов на них отсутствует. В рамках данной работы наиболее важен термин *нация*, материал по которому в немецком проекте по истории понятий занимает 500 страниц¹. Нет единства взглядов по этому вопросу и среди отечественных исследователей. Например, О. Б. Леонтьева [7] и В. Б. Киор [8] ставят знак равенства между национальностью и этносом, Б. Н. Миронов же их разделяет [3].

Разумеется, многообразие нюансов может вместить в себя только специальная работа. Когда же требуется применять термин для исследования в другом контексте, то в западной литературе нация понимается как территориально-политическая общность, возникшая в период и после буржуазных революций. Причем в соответствии с особенностями историко-политического развития под нацией понимается гражданское общество (без учета этнических характеристик отдельных его групп). В России с учетом

особенностей исторического пути нация трактуется как государство (национальная безопасность, национальный интерес). В политическом и академическом западно-европейском лексиконе нация – это система, общество в целом. В таком контексте словосочетания *национальное меньшинство*, *многонациональный народ* – нонсенс, в России же законодатель эти словосочетания закрепил конституционно (ст. 3 Конституции РФ²).

Менее дискуссионными, но столь же неоднозначными являются понятия *народ* и *этнос*. Сложность создания какой-то одной классификационной схемы состоит в том, что различные компоненты этих субъектов истории (этнос, народ, нация) могут эволюционировать и вычленение тенденций их совокупного развития в широких хронологических рамках – задача довольно трудная.

Исходя из наиболее общепринятых характеристик данных терминов можно было бы составить их следующую градацию:

- этнос – биосоциальная общность, обладающая единством происхождения, языка и культуры;
- народ – не качественный рост одного этноса, а сумма нескольких этносов, проживающих в рамках одного государства, ключевым признаком народа является государство;
- нация – территориально-политическая общность, скрепленная едиными духовными ценностями и идеями.

Это означает, что если объектом научного анализа является национальная политика, то предметом будет не политика в отношении этнических территорий, а формирование единых для всего населения страны духовных ценностей, идеологии, экономических связей. Политика же в отношении этнических территорий в этом контексте национальной быть не может. Вольное обращение с терминами *нация*, *национальный* допустимо в публицистике, в науке же оперировать ими следует с большой осторожностью.

Формирование полиэтнического государства

Истоки формирования России как многонационального государства связаны с тяжелейшим внешнеполитическим положением в XVI–XVII вв. Тогда, в условиях отсутствия естественных преград от агрессивных соседей, Московская Русь должна была вести политику активной обороны, отодвигая границы от центра страны. Первым неславянским регионом, включенным в состав Московской Руси, оказалось полиэтническое Казанское ханство, где кроме татар проживали мордва, марийцы (черемисы), чуваша, удмурты (вотяки) и башкиры. В 1556 г. было покорено

¹ Лекция Алексея Миллера об эволюции понятия «нация» // Полит.ру. 07.07.2016. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2016/07/07/miller/> (дата обращения: 26.05.2019).

² Конституция РФ // Российская газета. 25.12.1993. № 237. Ст. 3.

Астраханское ханство. В 1557 г. в состав Московской Руси добровольно вошли башкиры. Вскоре началось движение в сторону Сибири, в частности Якутского края [9].

В течение последующих 300 лет в составе России оказалось большое число племен и народов. С терминологической точки зрения этот процесс можно классифицировать следующим образом:

- завоевания (Казанское и Астраханское ханства, Эстляндия и Лифляндия, Крымское ханство, второй и третий разделы Польши, Финляндия, Старший жуз, Западная Грузия, Северный Кавказ, Азербайджан);
- присоединения (первый раздел Польши, Закавказье, Средняя Азия);
- добровольные присоединения (Башкирия, Украина, Камакия, Молдавия, Кабарда, Карачаево-Черкессия и Осетия, Малый и Средний жузы, Армения, Восточная Грузия).

Эта классификация условна. Например, завоевание Крымского ханства являлось активной обороной. Завоевание же Финляндии – результат великодержавного статуса России. В XVIII–XIX вв., став субъектом общеевропейских отношений, Россия стала вести войны иного типа – коалиционные. Но и в этом случае они велись не для ограбления. Это предопределяло иной тип отношений с народами, включенными в состав России, нежели те, что устанавливали европейские страны со своими колониями.

Национальная политика лояльности правительства к этническим регионам

Одним из первых источников, раскрывающих отношение царского правительства к населению этнических регионов, является Никоновская летопись. В ней сообщается, что после взятия Казани в 1552 г. в окружении царя обсуждались два варианта дальнейших действий: оставить оккупационную армию или сохранить национальную систему управления. По всей видимости, из-за нехватки сил первое не представлялось возможным. Поэтому сразу же после победы в местные улусы были разосланы жалованные грамоты: «Чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а кто лихо чинил, тем бог мстил, а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним царем»³. В последующие дни и недели из многих мест явились марийские и татарские вожди, чтобы присягнуть русскому царю и уплатить ясак.

Устанавливая размеры налогов, царское правительство следовало нормам средневекового права, по которым их уплата, «наряду с принесением присяги, являлась основной формой признания подданства (нахождения под данью).

В этом случае уплата ясака имела не столько экономическое значение, сколько политическое, фиксировавшее подчинение края России» [10, с. 135]. Поэтому в ущерб интересам казны Иван IV приказал взимать ясак в меньших размерах, чем это было при ханах в середине XVI в.

Возможно, на установлении минимального экономического давления могла сказаться бедность самого московского княжества: являясь частью общества с ограниченно прибавочным продуктом, московское правительство и для населения разгромленных Казанского и Астраханского ханств, Башкирии и Сибири устанавливало налоги, не превышавшие те, что платили русские крестьяне и посадское население.

Политика центра по отношению к этническим окраинам имела объективные основания. Б. Н. Миронов считает, что она предопределялась «относительной малочисленностью русского этноса, недостатком административных и финансовых ресурсов, неразвитостью информационной и транспортной инфраструктур» [3, с. 169]. Разумеется, эти факторы играли свою роль, но все-таки главными были мотивы внешней политики, а среди них не было цели получить доход в результате завоеваний.

Практически в каждом царствовании мы найдем исходившие от монархов документы, например указ, который подписала Екатерина II 28 февраля 1792 г. В частности, администрации новых территорий Северного Кавказа в нем предписывалось «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями... Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам»⁴.

В отношении населения новых территорий страны центральная власть стремилась, прежде всего, к обеспечению политической лояльности. Ради этого она оставляла максимальный объем административной свободы даже за теми, кто недавно оказывал русским войскам активное сопротивление. Так, после завоевания в 1710 г. шведских провинций Эстляндии и Лифляндии Россия сохранила за местной аристократией и городской верхушкой все прежние права и преимущества, корпоративный строй, лютеранское вероисповедание, использование немецкого языка в делопроизводстве и судебной практике. Вершиной этой политики являлась позиция России относительно завоеванных Хивы и Бухары. Утрата независимости двумя этими среднеазиатскими государствами состояла в невозможности вести самостоятельную внешнюю политику. При этом хан и эмир, зная сохраняли все свои полномочия, миссионерская деятельность православной церкви была запрещена.

³ Никоновская летопись. Режим доступа: <http://bookree.org/reader?file=735722&pg=16> (дата обращения: 26.04.2018).

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): собрание второе. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1848. Т. 23. № 17025. С. 307–308.

Обеспечение политической лояльности этнической элиты достигалось путем инкорпорации этнической аристократии в состав российского дворянства и с учетом местных административных особенностей и духовных традиций. Уже в XVIII в. сановники с нерусскими фамилиями составили значительную долю в составе высших органов власти. Красноречивую иллюстрацию этому дал в своих воспоминаниях А. де Кюстин. Во время аудиенции в Михайловском замке с Николаем I государь обратил его внимание на присутствующих: «Нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы различались бы так сильно, как в России, – сказал Николай I. – ... Вот, извольте взглянуть, неподалеку от нас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое из верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы, случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов, вон один из них»⁵. К началу XX в. в законосовещательных и исполнительных органах, судебной системе, в армии были представлены практически все этносы [3, с. 164].

Лояльность основной массы коренного населения этнических регионов обеспечивалась главным образом путем сохранения за ними используемых ими земель [11, с. 51]. Разумеется, объем льгот и свобод, данных в определенных исторических условиях, не мог оставаться неизменным. В XVII в. их уменьшение предопределялось утратой всеми социальными группами имевшихся незначительных прав в стране в целом. И рост давления на служилых и податное население центральных уездов страны был не меньше, чем на население и аристократию этнических регионов.

В последующие века для сокращения льгот и свобод в каждом конкретном этническом регионе возникали свои причины. Например, как отмечает А. В. Цюрюмов, в XVII в. русское государство во внутренние дела калмыков практически не вмешивалось. Но в первой половине XVIII в. казахи отодвинули калмыков из мест их традиционного кочевья в междуречье Волги и Яика, а появление русских крепостей по Тереку отодвинуло калмыков от предгорий Кавказа. Ханы активизировали связи с враждебными России Крымом, Кабардой, Персией и Средней Азией. Однако это уже не устраивало Россию, что вызвало изменение улусной системы и усиление контроля за внешней политикой калмыцкого ханства [12, с. 44].

Процесс *вхождения* ранее зачастую свободных этносов в состав другого государства психологически был болезненным и сложным. Но с академической точки зрения усиление налогового бремени и общее ухудшение материально-

бытового положения означало не угнетение, а эксплуатацию. О. Г. Усенко [13] и В. Я. Мауль [14, с. 165] обратили внимание на значительную разницу между этими понятиями. Эксплуатация – «чисто экономическая категория: это регулярное изъятие прибавочного продукта (частично или целиком) у непосредственных производителей. Угнетение же – понятие социально-психологическое, а именно принуждение человека к чему-либо вопреки его воле или ограничение свободы его жизнедеятельности, вызывающее у него какие-либо негативные эмоции» [13, с. 62].

С момента включения в состав России первых этнических территорий власть осознавала их инородность. Первоначально маркеры, с помощью которых определялись различные группы нерусского населения, носили этнический характер: татары, башкиры, калмыки. В Соборном уложении 1649 г. появляется уже обобщенный термин – ясачные люди. Однако власть воспринимала их не как этносы, а как часть общегосударственных тягловых и служилых сословий. Со временем некоторые этносы, например мордва в 1719 г., переводились на положение государственных крестьян, т. е. были приравнены к русскому тягловому населению. В 1722 г. был принят указ о сборе рекрутов с мордвы и марийцев [11, с. 50].

Власть одергивала даже государственных деятелей, которые воспринимали этнические окраины страны как колонии. Например, министр финансов Е. Ф. Канкрин в 1827 г. в проекте управления землями в Закавказье определял Грузию колонией. Но итоговый документ вышел без такого определения. В 1873 г. генерал-губернатор К. фон Кауфман в своем проекте *Положения об управлении Туркестанского края* сравнивал российские владения в Центральной Азии с Британской Индией и тоже предлагал управлять ими как колонией [15, с. 87]. Как и в случае с Е. Ф. Канкриным, итоговый документ такого определения не содержал. В 1882 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой в ответ на рассуждение своего чиновника о статусе Сибири резко заметил: «У нас нет колоний» [16, с. 158].

Вывод об осторожном и толерантном отношении царского правительства к этническим регионам является общим для совершенно разных научных школ. Так, в 1947 г. Н. В. Устюгов писал: «Московское правительство не разрушало тех общественных отношений, которые заставляло у народностей, вошедших в состав Русского государства» [17, с. 36]. Этот вывод в 1992 г. подтвердил В. А. Кабузан: на многие национальные регионы страны не распространялось крепостное право, рекрутская повинность, соблюдалась нерушимость традиционных

⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году / под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. I / пер. В. Мильчиной и И. Стаф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 198.

хозяйственных устоев [18, с. 214–215]. В 2011 г. такой же вывод на основе новых методологических подходов сделал А. Н. Чеботарев: «Статус инородческих окраин в составе России по большинству параметров не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности» [19, с. 167].

В каждом национальном регионе – Сибири, Малороссии, Остзейском крае, Царстве Польском, Финляндии, Бессарабии, на Кавказе, в Туркестанском крае – существовала своя модель административного управления и судопроизводства. В зависимости от конкретных исторических обстоятельств, административные возможности этнических институтов варьировались: они то сокращались (как после восстания в Польше в 1863–1864 гг.), то возрастали (например, в Финляндии во второй половине XIX в.).

Общие принципы управления нерусских территорий были разработаны М. М. Сперанским в 1822 г. и заложены в уставе *Об управлении инородцев*. В нем предусматривалось сохранение за покоренными народами местных форм самоуправления, многих норм обычного права и традиционных судов. Через 70 лет, фактически в новой политической обстановке, в *Положении об инородцах* 1892 г. законодатель повторил: «строго запрещается русским самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных; русские могут брать у инородцев места в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами», за инородцами сохраняется право создавать органы родового самоуправления; упрощенный порядок судопроизводства; право «приносить жалобы на стеснение и обиды» и т. д.⁶

Если после введения общеимперского законодательства оказывалось, что в этническом регионе оно не «работает», то его отменяли. Так, в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств в 1868 г. были восстановлены местные суды.

Даже в условиях русификации правительство сохраняло многообразие форм управления этническими территориями. Эту политику наместник Кавказа (в 1905–1915 гг.) граф И. И. Воронцов-Дашков в докладной записке Николаю II выразил следующим образом: «Я не допускаю возможности управления Кавказом из центра, на основании общих формул, без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения, разнородного по вероисповеданиям, по племенному составу и по политическому прошлому. Централизация допустима только тогда, когда она в силах внимательно следить за всеми

проявлениями жизни населения на определенной территории и регулировать их в известном направлении, иначе она опасна, так как ведет к разобщению частей государства» [20, с. 164].

Такой же прагматически-толерантной была политика правительства и в конфессиональной сфере. При Иване IV конфессиональная политика состояла в наделении представителей неправославных народов в случае их крещения разного рода льготами. В последующие двести лет наряду с политикой льгот выдвигались разного рода ограничения (мусульманам запрещалось селиться рядом с крещеными, использовать труд православных, вступать в брак с православными, земли феодалов-мусульман могли наследовать лишь крещеные родственники и т. д.). Пиком насильственной христианизации мусульман Поволжья стала деятельность Комиссии новокрещенских дел в 1730–1740-х гг.

Со второй половины XVIII в. в этой сфере начались перемены. Считается, что в отношении мусульман изменение политики было вызвано русско-турецкой войной 1768–1774 гг., восстанием Е. Пугачева (1773–1775) и присоединением Крыма в 1783 г. Однако поездка Екатерины II в Казань состоялась в 1767 г. Да и первым проявлением толерантности к неправославным конфессиям стало отношение к немцам, приехавшим в 1763 г. для освоения Среднего и Нижнего Поволжья по приглашению Екатерины II. Так что, скорее всего, изменение политики императрицы к мусульманам было ее личной позицией. Последующие события лишь блокировали сопротивление противников из ее ближайшего окружения. Так или иначе серия указов Екатерины II (1773 г. – указ, запрещавший архиереям вмешиваться в религиозные дела других конфессий; 1782 г. – учреждение в Уфе муфтията; 1783 г. – разрешение верующим самим избирать муллу; 1789 г. – учреждение в Уфе Духовного собрания магометанских законов) для мусульман оказалась столь значительной, что Екатерина II получила среди татарского населения почетное звание *Эби патша* (Бабушка-царица).

Положение католиков и протестантов в России было лучше положения мусульман. После разделов Речи Посполитой римско-католическая церковь сохранила привилегии и материальные средства, превышавшие те, которыми располагало формально господствующее православие. Там могли существовать и развиваться католические епархии, многочисленные монастыри, отделения духовных орденов, братства, семинарии, монастырские и приходские школы. В Прибалтике имперские власти в угоду лютеранской элите в 1840-х гг. сдерживали эстонцев и латышей, желавших принять православие. При Александре II в крае были сняты

⁶ Положение об инородцах. Издание 1892 года // Свод законов Российской Империи. Книга первая / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. И. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб.: Деятель, 1912. Т. 2. С. 531.

сохранявшиеся ограничения на публичные отправления католического культа, местные органы власти закрывали глаза на переходы из православия в католицизм [21, с. 54].

В XIX в. политика веротерпимости облекалась во все новые формы. В 1844–1846 гг. было издано семь законов, результатом которых стала замена на российских орденах, вручаемых мусульманам, символов христианской веры (креста, фигур святых и т. п.) изображением императорского орла. В 1849 г. вышел указ, разрешавший освобождать арестантов-мусульман в пятницу от работ для совершения молитвы и переносить их на воскресенье [22, с. 42].

Разумеется, основной целью конфессиональной политики всегда оставалось обращение в православие нерусского населения с последующей его русификацией и ассимиляцией. При всех административных издержках и перекосах на местном уровне политика правительства в отношении населения этнических регионов была толерантной. Б. Н. Миронов определяет ее как «этнопатернализм» [3, с. 177].

В этнические регионы правительство вкладывало средств больше, чем в великорусские. Н. В. Михайлова и В. А. Михайлов сравнили уровень социально-экономического развития центральных великорусских губерний с национальными окраинами и пришли к выводу о более высоких темпах развития и большем внимании правительства именно к этническим окраинам:

- на окраинах на одно учебное мужское заведение в среднем приходилось 185113 человек мужского населения, в русских губерниях – 229596 человек. «Если же принять во внимание, что и в великорусских средних учебных заведениях воспитывался некоторый процент нерусских, можно утверждать, что на одного воспитанника-великоросса приходилось два воспитанника на окраинах, а в Остзейском крае – даже четыре» [23, с. 145];
- на один рубль выплачиваемого налога отдельные территории получали обратно в виде разного рода дотаций в Северо-Западном крае – 1 руб. 31 коп.; в Прибалтийском – 1 руб. 29 коп.; в Царстве Польском – 1 руб. 14 коп.; в Малороссии – 92 коп.; в Южных губерниях – 89 коп.; в Юго-Западных – 82 коп.; в Северных – 81 коп.; в Восточных – 80 коп.; в Средних промышленных – 72 коп.; в Центральных Черноземных – 47 коп.;
- на один крестьянский двор приходилось сборов в Тамбовской губернии 22 руб. 30 коп., а в Гродненской – только 13 руб. 5 коп.;
- за 1897 г. смертность в центре и на востоке Европейской России составляла соответственно 43 % и 37 % на тысячу

жителей, между тем как на окраинах она колебалась между 24 и 19 % [23, с. 145–147].

Но в Польше толерантная и патерналистская политика воспринималась как национальный гнет. В отличие от России, где население представляло собой сумму народов, в жизни которых идеология не играла существенной роли, поляки были нацией, т. е. общностью, скрепленной не только языком и культурой, но и единым духовным пространством. Поляки были католиками, увлеченными идеями либерализма и однопатерналистского государства. Поэтому, несмотря на то, что в Польше до 1860-х гг. школьное обучение велось на польском языке, издавались польские газеты и книги, люди свободно посещали католические храмы, Россия воспринималась как враг [24, с. 224].

В любой полиэтнической системе присутствует опасность сепаратизма. Одной из первых ее почувствовала Екатерина II. В 1764 г. в секретном наставлении генерал-прокурору А. А. Вяземскому она с тревогой отмечала: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями: нарушить оные все вдруг весьма непристойно было, однакож и называть их чужестранными, и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупостию. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу»⁷. Но конкретных шагов в направлении русификации тогда сделано не было. Не пришел черед такой политики и в первой половине XIX в.

В 1849 г. Ю. Ф. Самарин опубликовал «Письма из Риги», где предложил правительству поддержать прорусски настроенных эстонцев и латышей против немецких помещиков Остзейского региона. Это шло в разрез с традиционными целями российского правительства в отношении этнических окраин: добиваться политической лояльности прежде всего местной аристократии. Поскольку немецкое дворянство по отношению к Санкт-Петербургу было вполне лояльно, власть логично отправила автора на три месяца в Петропавловскую крепость. В следующий раз власть довольно ясно высказалась относительно значения для нее этнических и политических проблем в 1871 г. На встрече с приглашенными редакторами петербургских газет министр внутренних дел А. Е. Тимашов обратил внимание присутствующих на то, что «ультрапатриотическая» печать «в Остзейском крае создала вопрос балтийский и не перестает разглагольствовать об опасностях, которые будто бы угрожают оттуда России». По словам министра,

⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1871. Т. 7. С. 348.

периодическая печать лишь щеголяет своим патриотизмом, рисуя ради этого опасность там, где ее нет [25].

Правительство в основном проводило надэтническую политику. Это проявлялось самым разным образом, например в титулах русских самодержцев. Титул Ивана IV звучал следующим образом: Бога в Троице славимого милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, Володимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных государств и великий князь Новгорода Низовския земли, Черниговский. Создававшийся в эпоху феодализма титул состоял из названий присоединенных, ранее независимых уделов.

К началу XX в. принцип составления титула не изменился. Хотя в титуле Николая II встречаются этнические термины – Польша, Литва, Армения, Кабарда – они трактовались составителями как географические определения: Божию поспешествующею милостию Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь Грузинский; государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; государь и великий князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондский, Витебский, Мстиславский и всея северная страны повелитель; и государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных наследный государь и обладатель, государь Туркестанский; наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Гольштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая.

В течение веков власть идентифицировала население не по национальному, а конфессиональному, сословному и региональному признакам, поэтому, с одной стороны, правительство не поддержало в 1840-е гг. славянофилов А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина, а с другой – с 1871 по 1882 гг. запрещало высказываться по национальному вопросу М. Н. Каткову, который в журналистской среде был лидером консервативно-охранительных взглядов. Хотя с XVI в. в делопроизводственной доку-

ментации начала употреблялась этническая топонимика, до конца XIX в. не существовало отдельного национального направления в политике правительства в масштабах страны. О. Б. Леонтьева права, когда отмечает, что сегодня многие действия в отношении регионов характеризуются как национальные, хотя в реальности правительство преследовало совсем иные цели [7, с. 31]. Существовали лишь действия в отношении отдельных этнических общностей, появившиеся со значительным временным интервалом. «Мотивы, мера и интенсивность нивелирования конкретных регионов под общероссийский уровень также были неодинаковы» [26, с. 142]. Только в конце XIX в. под влиянием национального самосознания части русского общества правительство увидело в населении этнических регионов иные народы.

Политика русификации также не должна вводить в заблуждение. Как отмечает А. И. Миллер, эта политика не означала стремление власти сделать нерусских русскими [27], поскольку к концу XIX в. критериев русскости не существовало. Симптоматично, что в Географическо-статистическом словаре Российской империи (четыре тома которого печатались с 1863 г. по 1873 г.) были статьи, посвященные литовцам, полякам и проч., но отсутствовали статьи о русских, «великорусах» или «белорусах» [7]. Русификация представляла собой, прежде всего, средство достижения все той же политической лояльности, а в итоге – создания единого в своей ментальной основе общества. Эта идея восходит к указу Екатерины II от 28 мая 1772 г., согласно которому все губернаторы бывших польских губерний были обязаны отныне вести делопроизводственную переписку не на польском, а на русском языке. Но русский язык распространялся среди инородцев в качестве официального языка центральной власти, а не языка порабощенных. В ст. 3 Конституции 1906 г. говорилось: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных установлениях»⁸. Эта политика соответствовала утвердившейся в Западной Европе тенденции: в течение XIX в. все европейские правительства приняли меры к установлению государственного языка и сокращению использования диалектов и языков меньшинств.

Считается, что катализатором политики русификации стало восстание в Польше в 1863–1864 гг. Действительно, уже в 1863 г. был принят указ, запрещавший на Украине в публицистике «рідную мову». Однако указ касался только публицистики. Судя по версии, изложенной в циркуляре, поводом к его появлению стали попытки осуществления «сепаратистских замыслов» под предлогом «распространения

⁸ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/apr1906.htm> (дата обращения: 20.01.2018).

грамотности и просвещения»⁹. Следующий указ о запрете публикации на украинском языке появился лишь в 1876 г. В Прибалтийском крае делопроизводство и переписка должностных лиц на русском языке была введена в 1885 г., в средних учебных заведениях – в 1887 г. В 1900 г. появился указ о постепенном введении русского языка в делопроизводство Великого княжества Финляндского. Характерно, что в отношении мусульманского населения Туркестана, Волжского и Уральского регионов, тюркоязычных мусульман Крыма политика русификации не осуществлялась.

Русский язык позволял населению этнических регионов выходить за привычные географические рамки. Например, Е. И. Кобахидзе [28, с. 77], Г. К. Мартиросиан [29, с. 22] отмечают, что и на Северном Кавказе, и в Закавказье знание русской грамоты не только значительно поднимало авторитет общинника в глазах односельчан, но и позволяло подняться по социальной лестнице на ступеньку, а то и на две выше. Нередко они отдавали своих детей русским в услужение без всякой платы, с единственным условием – выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски.

При этом политика русификации не перерастала в административную унификацию. До 1917 г. в стране сохранялась система управления национальными окраинами, учитывавшая конфессиональные, культурные, бытовые, правовые особенности народов.

Заключение

В течение четырехсот лет был накоплен уникальный опыт совместного проживания народов в рамках одного государства. Эти народы находились на разных уровнях исторического развития, в разных географических условиях и экономической ситуации, поэтому применяемые государством по отношению к ним средства и методы отличались достаточным разнообразием. Гетерогенная политика в отношении этнических окраин, при всех издержках, во многом обеспечивала жизнеспособность государства

и способствовала постепенному интегрированию различных этносов в единое общество.

Беспристрастный анализ национальной политики центральных органов власти позволяет увидеть ее конструктивный потенциал и реабилитировать имперскую практику строительства полиэтничного государства [7, с. 28]. Разумеется, оказавшись в рамках одного государства, бывшие независимые народы утрачивали возможность создания собственного государства. Но даже антирусски настроенным современным исследователям не удается найти убедительного подтверждения национального гнета. Возникшее время от времени в этнических регионах социальное напряжение было связано не с национальным притеснением, а с недостаточными возможностями империи решить социальные проблемы страны в целом.

Начиная с XVI в. власть вполне осознавала этнические различия между русскими и населением новых территорий. Это не являлось основанием для превращения этноса в основной социальный маркер. Выбранные в этом качестве вероисповедание, сословность, место проживания носили надэтнический характер. Эта многослойная система идентификации в тех исторических условиях оказалась удачной. Вброс же идеи национального самоопределения как в 1917 г., так и в 1991 г. «имел для общностей данного типа последствия системного распада» [6, с. 48].

Современное пристальное внимание к национальным проблемам в определенной степени является итогом преувеличения роли этничности и культуры в жизни общества в советский период. Как справедливо отмечает Е. И. Филиппова, признавая, что групповые идентификации играют существенную роль, нельзя не признать также, что выбор этноса в 1920-е гг. в качестве универсальной категории групповой принадлежности был искусственным и произвольным [30]. Но тенденция создана. Поэтому одна из современных политических задач заключается в определении духовных ценностей и политических институтов, которые в будущем позволят обществу консолидироваться.

Литература

1. Акманов И. Г., Касимов С. Ф., Гайсин У. Б., Обыденнов М. Ф., Даутов А. А. Волнения и восстания башкир в конце XVI – 60-х гг. XVII в. // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4. С. 9–16.
2. Худайгулов Т. С. Причины и начало восстания башкир в 1755–1756 гг. // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 1048–1049.
3. Миронов Б. Н. Об этнической дискриминации в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 1. С. 164–184.
4. Stepan A. Ukraine: Improbable democratic "nation-state" but possible democratic "state-nation"? // Post-Soviet affairs. 2005. № 4. P. 279–308.

⁹ О книгах, издаваемых для народа на малороссийском наречии. 18.07.1863. Режим доступа: <http://histpol.pl.ua/ru/novosti?id=588> (дата обращения: 17.03.2019).

5. Миллер А. И. Нация-государство или государство-нация? // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 127–138.
6. Багдасарян В. Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 1. С. 47–50.
7. Леонтьева О. Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник Самарского государственного университета. История, педагогика, филология. 2012. № 8-2. С. 27–46.
8. Киор В. Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2010. № 4. С. 204–218.
9. Юрганова И. И. Инкорпорация Якутского края в Российскую империю на примере христианизации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 2. С. 95–98.
10. Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.
11. Сушкова Ю. Н. Правовое положение мордовского народа в истории России (XVI–XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 1. С. 45–58.
12. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: геополитические процессы XVIII в. // Русь, Россия. Политические аспекты истории: мат-лы XXIV Всеросс. заоч. науч. конф. (Санкт-Петербург, 01 января – 31 декабря 2002 г.). СПб.: Нестор, 2002. С. 43–45.
13. Усенко О. Г. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Вып. 6 / отв. ред. Т. Г. Леонтьева. Тверь: Научная книга, 2006. С. 60–80.
14. Мауль В. Я. Разинское восстание в хаосе временного коллапса (размышление об одной новой книге) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 164–169. DOI: 10.17223/19988613/51/23
15. Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 85–91.
16. Ремнев А. В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи [1700–1917] / ред. А. Мартин. М.: НЛО, 2010. С. 150–181.
17. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 24. С. 30–110.
18. Кабузан В. А. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.
19. Чеботарев А. Н. Многонациональная Россия: «тюрьма народов» или «модель мира»? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 166–170.
20. Исмаил-Заде Д. И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: Центрполиграф, 2005. 511 с.
21. Империя, нации и конфессиональная политика в эпоху реформ: мат-лы круглого стола / сост. И. А. Христофоров // Российская история. 2012. № 4. С. 52–56.
22. Мухамедов Р. А. Политика царского правительства в отношении неправославных конфессий в XVIII–XIX вв. // Поволжский педагогический поиск. 2012. № 1. С. 39–44.
23. Михайлова Н. В., Михайлов В. А. Была ли царская Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. № 6. С. 143–162.
24. Шиллер-Валицка И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 223–243.
25. Крутликowa О. С. Обсуждение вопроса о русификации иноэтнических окраин Российской Империи в московской консервативной печати 1860-х гг. // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2209> (дата обращения: 26.04.2019).
26. Теплоухова М. В. Этно-национальная политика в Российской империи XIX – начала XX вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 139–144.
27. Миллер А. И. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.
28. Кобахидзе Е. И. Ресурсы позднеимперской «русификации» на Северном Кавказе // Российская история. 2016. № 3. С. 74–82.
29. Мартиросян Г. К. Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ: Свет, 1925. 117 с.

30. Филиппова Е. И. Вместо введения. «Этническая» или «региональная» идентичность? (Как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей) // Французские тетради: диалоги и переводы / отв. ред. Е. И. Филиппова. М.: Росинформаротех, 2008. С. 5–21.

Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia in XVI–XIX Centuries

Boris N. Zemtsov ^{a, @}

^a Bauman Moscow State Technical University, buil. 1, 5, 2nd Baumanskaya St., Moscow, Russia, 105005

[@] zemtsovbn@mail.ru

Received 09.06.2019. Accepted 04.09.2019.

Abstract: The paper features the policy of the royal government of Russia towards ethnic regions. There are different views on these regions in modern historiography. The ambiguous situation is primarily due to the fact that progressive single-nation states and ethnic regions were studied without taking into account the general historical situation. The present research was based on the assumption that multi-ethnic countries have a great development potential. From the XVI century on, the authorities were aware of the ethnic differences between the Russians and the population of the new territories. However, they did not perceive ethnicity as the main social marker. The social criteria chosen by the authorities included religion, class, and place of residence, i. e. they were of supranational character. The author believes that the heterogeneous policy of Tsarist Russia towards ethnic provinces, lacking as it was, ensured the viability of the state and contributed to the gradual integration of various ethnicities.

Keywords: national policy, foreigners, rusification, multi-ethnic state, multinational state

For citation: Zemtsov B. N. Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia in XVI–XIX Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennoy universiteta*, 2019, 21(3): 595–605. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-595-605>

References

1. Akmanov I. G., Kasimov S. F., Gaisin U. B., Obydenov M. F., Dautov A. A. Disorders and revolts of Bashkirs at the end of XVI – the 60th of the 17th century. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennoy universiteta*, 2017, (4): 9–16. (In Russ.)
2. Khudaigulov T. S. Reasons and beginning of the Bashkir uprising in 1755–1756. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2008, 13(4): 1048–1049. (In Russ.)
3. Mironov B. N. Ethnic discrimination in late imperial Russia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, 2017, 62(1): 164–184. (In Russ.)
4. Stepan A. Ukraine: Improbable democratic "nation-state" but possible democratic "state-nation"? *Post-Soviet affairs*, 2005, (4): 279–308.
5. Miller A. I. Nation-state or state-nation? *Rossia v global'noi politike*, 2008, 6(5): 127–138. (In Russ.)
6. Bagdasaryan V. E. Nation building or empire building: fork approaches. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2014, 7(1): 47–50. (In Russ.)
7. Leontieva O. B. National and confessional policy of the Russian Empire in contemporary historiography. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya*, 2012, (8-2): 27–46. (In Russ.)
8. Kior V. B. State national policy of Imperial Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*, 2010, (4): 204–218. (In Russ.)
9. Yurganova I. I. Incorporation of the Yakutsk region of the Russian Empire as an example of Christianization. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 2012, 9(2): 95–98. (In Russ.)
10. Bakhtin A. G. *XV–XVI centuries in the history of the Mari Territory*. Yoshkar-Ola: Mariiskii poligraficheskoy-izdatel'skii kombinat, 1998, 192. (In Russ.)
11. Sushkova Yu. N. Legal status of the mordvins in history of the Russian State (XVI–XVIII centuries). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2016, (1): 45–58. (In Russ.)

12. Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as part of Russia: geopolitical processes of the XVIII century. *Ancient Rus and Russia. Political aspects of history*: Proc. XXIV All-Russian extramural Sci. Conf., Saint-Petersburg, January 1 – December 31, 2002. Saint-Petersburg: Nestor, 2002, 43–45. (In Russ.)
13. Usenko O. G. Social protest in Russia before XX century: terminology and classification. *From the archive of Tver historians*. Iss. 6, ed. Leontieva T. G. Tver: Nauchnaia kniga, 2006, 60–80. (In Russ.)
14. Maul V. Ya. Razin Uprising in the chaos of a temporary collapse (thinking about new book). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018, (51): 164–169. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/51/23
15. Khodarkovsky M. In what things Russia outstrips Europe, or Russia as a colonial empire. *The political conceptology: journal of metadisciplinary research*, 2013, (2): 85–91. (In Russ.)
16. Remnev A. V. Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without a ministry of colonies – the Russian "Sonderweg"? *Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire [1700–1917]*, ed. Martin A. Moscow: NLO, 2010, 150–181. (In Russ.)
17. Ustyugov N. V. Bashkir Uprising 1662–1664. *Historical notes*, ed. Grekov B. D. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1947, vol. 24, 30–110. (In Russ.)
18. Kabuzan V. A. *The peoples of Russia in the first half of the XIX century: Size and ethnic composition*. Moscow: Nauka, 1992, 216. (In Russ.)
19. Chebotarev A. N. Multinational Russia: "prison of the peoples" or "model of the world"? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2011, (3): 166–170. (In Russ.)
20. Ismail-Zade D. I. *Graf I. I. Vorontsov-Dashkov. Governor of the Caucasus*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005, 511. (In Russ.)
21. Empire, nations and confessional politics in the era of reforms: round-table materials, comp. Khristoforov I. A. *Rossiiskaia istoriia*, 2012, (4): 52–56. (In Russ.)
22. Mukhamedov R. A. Policy of the tsarist government against non-orthodox faiths in XVIII–XIX centuries. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk*, 2012, (1): 39–44. (In Russ.)
23. Mikhailova N. V., Mikhailov V. A. Was the Tzarist Russia a "prison of peoples"? Impartial analysis, based on the information of published materials of official statistics. *Free Thought*, 2013, (6): 143–162. (In Russ.)
24. Schiller-Walicka J. Myths and stereotypes: some comments on the history of education in the Kingdom of Poland in the 19th century. *Voprosy obrazovaniya*, 2014, (3): 223–243. (In Russ.)
25. Kruglikova O. S. The controversy about the problem of Russification in the conservative press in Moscow in the 1860s. *Mediascope*, 2016, (4). Available at: <http://www.mediascope.ru/2209> (accessed 26.04.2019). (In Russ.)
26. Teploukhova M. V. Ethnic and national politics of the Russian empire in the XIX – beginning of XX. *Ojkumena. Regional researches*, 2011, 2, 139–144. (In Russ.)
27. Miller A. I. Russifications: classified and explained. *Ab Imperio*, 2002, (2): 133–148. (In Russ.)
28. Kobakhidze E. I. Limits of the late Imperial "Russification" on the North Caucasus. *Rossiiskaia istoriia*, 2016, (3): 74–82. (In Russ.)
29. Martirosyan G. K. *Socio-economic foundations of the revolutionary movements in the Terek region*. Vladikavkaz: Svet, 1925, 117. (In Russ.)
30. Filippova E. I. In lieu of a preface. "Ethnic" or "regional" identity? (How the methods of classifying the population adopted in Russia and France affect the formation of collective identities). *French notebooks: dialogs and translations*, Filippova E. I. Moscow: Rosinformagrotekh, 2008, 5–21. (In Russ.)